

ГЕНЕЗИС МОРФОЛОГИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗМЕЕВИДНЫХ КОЛЕЦ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В СРАВНИТЕЛЬНО - ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Монгольское завоевание отразилось на политическом, экономическом и социальном устройстве всего средневекового евразийского пространства, оказало глубокое воздействие на характер его культурного развития. Одним из внешних проявлений этого стали изменения в одежде и ювелирном уборе, которые являются своеобразными маркерами, отмечающими сопричастность мировому тренду.

Знаковым украшением, широко распространившимся после монгольского завоевания, стали т.н. «серьги в виде знака вопроса», которые были одинаково характерны для убранства костюма кочевников всех локальных групп Золотой Орды [Каримова, 2013, с. 35] и, в то же время, населения городов как самого Улуса Джучи, так и территорий, находившихся в сфере его влияния [Седова, 1981, с. 15, рис. 3, 1, 2, 9; Сарачева, 2007, с. 81, рис. 2, 5; Город Болгар, 2008, ил. XV, 5], что позволяет рассматривать их как элемент «имперской» надэтнической культуры.

В памятниках золотоордынского периода были обнаружены украшения, которые также можно условно назвать серьгами – в форме кольца, один конец которого выполнен в виде головы животного – вероятно, змея-дракона с раскрытой пастью. Подобных украшений на данный момент известно не так много по сравнению с серьгами в виде знака вопроса. Р.Р.Каримова, отметив, что они характерны для золотоордынского периода и были распространены на территории от Волгоградской области до Республики Молдовы, полагает, что в погребениях кочевников они не были обнаружены [Каримова, 2013, с. 35].

Ранее такие украшения уже привлекали внимание ряда авторов, в частности, М.В. Ельникова [Ельников, 2005-2009, с. 410-420], И.Н. Кулатовой [Кулатова, 2002, с. 115], М.Г. Крамаровского [Крамаровский, 2013, с. 324-332], М.В. Горелика [Горелик, 2008, с. 124], которые, в зависимости от тематической направленности своих работ, рассматривали некоторые вопросы, касающиеся культурно-хронологической атрибуции этих украшений. М.В. Ельников, исследовавший грунтовой могильник золотоордынского времени Мамай-Сурка, обобщил информацию о 16 украшениях данного типа, дал их культурно-хронологическую атрибу-

буцию, отметил, что половозрастные характеристики, очевидно, не влияли на наличие этого вида украшения, и выдвинул предположение, что «образ дракона-змия на серьгах золотоордынского периода имел китайские истоки и благожелательное содержание» [Ельников, 2005-2009, с. 418]. Время бытования серёжек с изображением головы дракона-змия определено М.В. Ельниковым второй четвертью XIV – первой третью XV вв. По мнению М.Г. Крамаровского, подобные серьги принадлежат к группе тюркских мужских украшений, однако, отражают смешение китайской иконографии дракона, играющего с жемчужиной, с типом змеевидной рептилии, почитаемой в тюркской среде [Крамаровский, 2013, с. 330-331]. Центром производства таких серёг, по мнению М.В. Горелика, могла быть сельджукская Малая Азия, но не исключено, что их делали в Крыму, культурно близком сельджукскому Руму [Горелик, 2008, с. 124].

Появление новых данных, касающихся этого типа украшений, позволяет по новому интерпретировать происхождение, круг бытования, возможные прототипы, генезис мотивов и образов, а также характерных для них семантики и морфологии. В совокупности это раскрывает более широкую перспективу культурных взаимосвязей различных частей евразийского пространства этого времени.

Прежде всего, следует отметить, что значительная часть этих украшений обнаружена при исследовании грунтовых могильников, оставленных этнически и, вероятно, конфессионально неоднородным населением поселений, связанных с функционированием торговых путей. Наибольшая концентрация змеевидных колец характерна для грунтового могильника золотоордынского времени Мамай-Сурка в Запорожской области. При раскопках могильника исследовано 5 комплексов с подобными украшениями (рис. 1.1.5) – найдено 4 серебряных кольца в захоронениях мужчин, в женском захоронении находилось бронзовое кольцо [Ельников, 2000, с. 42-53; Ельников, 2001, с. 65, 66, 67, 69, 96-97, рис. 21, 10; 22, 2; 32, 5). Серебряное змеевидное кольцо (рис. 1.1.2) найдено в погребении № 57 в грунтовом могильнике Старого Орхеля (Молдова) [Абызова, Бырня, 1981, с. 168-169, рис. 2, 5].

Некоторые украшения такого типа происходят из могильников, относящихся к достаточно далёкими друг от друга культурам: в разрушенном погребении могильника белореченской культуры на р. Пшиш на Северном Кавказе (Адыгея) было найдено золотое кольцо (рис. 1.1.3) со «стилизованной головой хищника с маленькими стоячими ушами и

широко раскрытой пастью» [Носкова, 2005, с. 186-200, рис. 3, 11], а из мужского захоронения № 24 Лоемского могильника (Коми) вымской культуры происходит серебряное кольцо (рис. 1.1.1), один конец которого завершается головой животного [Савельева, 1972, табл. 20, 2]. Изображения головы животного в этих случаях также можно понимать как изображение головы фантастической рептилии.

Два змеевидных кольца происходят из определённо кочевнических захоронений: в мужском захоронении курганной группы вблизи с. Дмухайловка Днепропетровской области найдена серебряное с позолотой кольцо (рис. 1.1.10) [Шалобудов, Андросов, Мухопад, 1983, с. 20-21], серебряное кольцо (рис. 1.1.9) входило в состав инвентаря в мужском захоронении курганного могильника Зубовка в Волгоградской области [Мамонтов, 1992, с. 27].

Особняком стоит ряд украшений, происходящих из захоронений, вероятнее всего связанных с христианским или мусульманским обрядом. Прежде всего, следует назвать золотое змеевидное кольцо, хранящееся в коллекции ювелирного искусства Национального музея истории Украины (инв. № АЗС-1571) (рис. 1.1.6). При публикации информации о так называемом Алустонском кладе из коллекции музея оно было отнесено, вследствие некоторых неточностей в документации, к составу этого комплекса [Малюк, 2015, с. 165, рис. 11]. По уточнённым данным, кольцо было найдено в захоронении № 40 (мужском) некрополя, расположенного рядом со средневековой церковью Алустонской крепости (современная Алушта) [Кухаренко, 1951]. Это золотое украшение представляет собой небольшое незамкнутое кольцо (внешний диаметр 18,5 мм), один конец которого выполнен в виде головы дракона-змея с раскрытой пастью с волютообразными челюстями. Глаза животного изображены продолговатыми листовидными большими углублениями со слегка выпуклым зрачком. За головой – волютовидная выпуклость, возможно, изображающая гребень или уши. Противоположный конец утончен, загнут в петлю. Кольцо покрыто поперечными насечками, возможно имитирующими чешую (рис. 2).

Серебряное змеевидное кольцо (рис. 1.1.4) найдено при раскопках средневекового некрополя возле церкви Святого Николая в Куршумлии (Сербия) [Зечевић, 2006, с. 239]. Два парных золотых кольца (рис. 1.1.8) найдены в мусульманском мавзолее некрополя Кердери 2, замыкавшего городище Арал-Асар (обнаружено при исследовании высохшего дна Аральского моря), которое, очевидно, сформировалось на являвшемся

частью Великого шёлкового пути участке караванного пути, соединявшего Золотую Орду, Хорезм и Приаралье с городами Центрального Казахстана [Байпаков, 2016, с. 404, 481, цв. рис. 85; Кривоногов, 2010, с. 14, 15, 18].

Парные серебряные кольца (рис. 1.1.7) найдены в женском захоронении № 133 могильника замка Кернаве, считающегося первым столичным центром Литовского княжества (Литва). Захоронение пожилой женщины было совершено по своеобразному обряду, не наблюдающемуся в других случаях в этом могильнике и позволяющему предположить совершение действий по обезвреживанию покойника [Vėlius, 2005, p. 39, 55, 105].

Некоторые змеевидные кольца входили в состав кладов. В кладе, найденном около с. Гавердово вблизи Рязани, было два серебряных с позолотой кольца (рис. 1.1.2) [Зубков, 1951, с. 138-141]. Одно серебряное позолоченное кольцо (рис. 1.1.1) было в составе клада, найденного у с. Василица вблизи Черкасс [Строкова, 2001, с. 126-128; Строкова, 2006, с. 41] (представлено в экспозиции Музея исторических драгоценностей – филиала Национального музея истории Украины). Среди драгоценностей тайника из Саской (Саксонской) церкви в Ново-Брдо (Сербия) было серебряное кольцо (Рис. 1.1.3), аналогичное найденному при раскопках некрополя в Куршумлии, с изображением головы животного с раскрытой пастью и высунутым языком [Зечевић, 2006, с. 240].

Во время раскопок крепости Копорье (Ленинградская область) в нижнем слое, связанном с новгородским периодом укрепления, найдено «необычное порождение средневековой моды XIII в. – височное кольцо со звериной головой» (рис. 1.1.1) [Кирпичников, 1981, с. 159, рис. 71, 5].

Случайной находкой было золотое кольцо (рис. 1.1.2), обнаруженное в конце XIX в. в г. Зеньков Полтавской губернии [Супруненко, 1998, с. 92, рис. 87; Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004, с. 31, 38, рис. 31].

Случайной находкой, сделанной в Крыму, очевидно, можно считать опубликованное М.Г. Крамаровским бронзовое с позолотой кольцо, находящееся в частной коллекции (рис. 1.1.3) [Крамаровский, 2013, с. 329, рис. 3].

Как обратил внимание М.В. Горелик, две змеевидные золотые серьги неизвестного происхождения выставлялись как мусульманские на аукционе Сотби, однако одна из них может быть отнесена к золотоордынскому периоду (рис. 1.1.4), другая, судя по рисунку, приведённому в его статье [Горелик, 2008, с. 124, рис. 4, 2, 3], скорее всего стилистически ближе к персидским золотым серьгам с эмальями и стеклянными

вставками, датированным XIX в., выставленным на этом же аукционе в 2016 г. [Arts of the Islamic World, 2016, lot 330].

Таким образом, на сегодня известно 24 украшения, которые можно отнести к змеевидным кольцам-серьгам. Следует отметить существенное разнообразие и одновременно схематичность в изображении головы животного на одном из концов кольца. В некоторых случаях достаточно округлые очертания головы с чётко обозначенными заострёнными ушами напоминают хищника – волка или породы кошачьих (Пшиш, Лойма, Кердери 2, Зубовка, одно из колец Мамай-Сурки). Вытянутые горизонтальные пропорции головы с продолговатыми миндалевидными или ланцетовидными глазами и выпуклостью на затылке, в более тщательно выполненных экземплярах выглядящей как завиток (Гавердово, Алушта, Василицы, два кольца из Мамай-Сурки), действительно ближе к иконографии фантастических рептилий. Схематичность изображений обусловила их неоднозначную трактовку авторами публикаций. Изображение животного было понято как изображение головы коня в Литве [Vėlius, 2005, p. 39], изображение барса в Казахстане [Байпаков, 2016, с. 481], стилизованное изображение крина в Сербии [Зечевић, 2006, с. 239], и, естественно, как изображение дракона-змия. Однако, при всех различиях в трактовке головы, существует общность формы и размеров, позволяющие отнести эти украшения к одному типу, условно назвав их змеевидными.

Невозможно однозначно определить способ ношения подобных колец – они, конечно, относятся к головным украшениям, что подтверждает местонахождение их в погребениях. Такие кольца в некоторых случаях действительно носили (Кернаве) или могли носить как серьги – конструкция и расстояние между концами колец позволяли вдевать их в ухо (Куршумлия, Ново-Брдо, Зубовка, Дмухайловка, Сотби). Но зачастую расстояние между концами кольца чрезвычайно мало (Пшиш, Орхей, Мамай-Сурка), вдеть в ухо такое кольцо возможно только слегка деформировав его, а вдев, зажать концы и, желательнее, больше не снимать во избежание повреждения.

Конструкция некоторых колец, вероятно, всё же исключает подобное использование. Если в большинстве случаев один конец кольца утончён, что логично для серьги, то кольца из мавзолея Кердери 2 выглядят несколько иначе – кончики загнуты в петлю и потом обвиты вокруг стержня, на петлю нанизаны бусины, расстояние между концами колец минимальное. Подобным образом выглядит и кольцо из Алушты – кон-

чик его образует петлю, вероятно, также предназначенную для бусины. Петля с бусиной на одном конце кольца, объёмная головка животного на другом создавали бы достаточно сильный дискомфорт при использовании его в качестве серьги. Возможно, другие кольца также могли быть дополнены бусинами. Так, кончик кольца из Василицкого клада резко утончён и похож на штырёк, на который, вероятно, могла быть насажена бусина.

Таким образом, можно утверждать, что не было чёткой определённости в ношении этих украшений. В некоторых случаях их могли носить как серьги, в некоторых случаях – как височные кольца, возможно, прикрепляя к головному убору. Способ ношения мог определяться местной традицией и конструкцией украшения.

Вариативность изображения головы животного и некоторых конструктивных деталей, существенные отличия в качестве предполагают достаточно широкое производство таких украшений. Однако на данный момент известны только две формочки для их отливки. Одна обнаружена в Азаке, в хозяйственной яме 8 жилища 2 (центральная часть современного г. Азова) [Гудыменко, 1993, с. 12-19]. Это позволило М.В. Ельникову предположить, что город был одним из центров производства колец, откуда продукция расходилась в разных направлениях [Ельников, 2005-2009, с. 419]. Также известна литейная форма для отливки таких украшений среди находок на Самарской Луке в Поволжье [Кочкина, 2011]. Формы существенно отличаются друг от друга. В форме из Азака должны были отливать украшения в виде кольца, один конец которого завершался головкой змея. Если судить по рисунку, поверхность кольца должна была быть рифлёной, имитирующей витьё. Формочка с Поволжья была предназначена для отливки гладкого прямого стержня, заканчивающегося головкой животного, повернутой под прямым углом к стержню. После отливки, очевидно, предполагалась доработка изделия. Разнообразие технологических приёмов можно наблюдать и на экспонатах из коллекции НМИУ, которые отличаются техникой исполнения. Украшение из Василицкого клада изначально отлито в форме кольца, вероятно, литейная формочка была близка по виду формочке из Азака, однако без имитации витой поверхности. Алустонское кольцо (рис. 2) изготовлено иначе – заготовка была отлита в форме стержня, завершающегося головкой рептилии (для такой отливки подошла бы формочка из Самарской Луки), потом заготовка была обработана по технологии изготовления рубчатой проволоки, были нанесены поперечные желобки методом прокатыва-

ния стержня под рабочей кромкой определённой формы (технический прием, широко распространенный с середины I тысячелетия по всему Средиземноморью и в Скандинавии [Ogden, 1994, p. 166-167]), кончик прокован и загнут петлей, потом изделию была придана форма кольца, что подтверждает деформация желобков, сужающихся во внутренней части кольца и расширяющихся на внешней его стороне. Кроме кольца из Алушты, известно ещё одно кольцо с поперечно рифленой поверхностью – это случайная находка из Зенькова (местонахождение сейчас неизвестно), однако по сохранившемуся рисунку нет возможности судить о технике его изготовления кроме, очевидно, литья. Таким образом, можно сделать вывод, что технологические приёмы изготовления змеевидных колец не были устоявшимися, и пользовавшуюся определённым спросом форму украшения воспроизводили мастера, вероятно, разных регионов, с разными навыками. Возможно, одним из центров производства был Крым – именно оттуда происходит наиболее изящное и совершенное изделие, появление которого естественно для места, ставшего контактной зоной разных художественных традиций, где длительное время могли сохраняться разнообразные ремесленные навыки.

Не исключено, что сама форма позднесредневековых змеевидных украшений появилась в Крыму, или, шире, в Северном Причерноморье, откуда распространилась в западной части Улуса Джучи и соседних землях. Бытование этих украшений в золотоордынский период и сходство изображения животного на кольцах с фантастической рептилией натолкнуло, как уже было сказано, ряд исследователей на мысль о связи этого украшения с китайской традицией. Безусловно, изображение дракона присутствует на изделиях золотоордынского периода: посуде, тканях, поясных гарнитурах и зеркалах, роговых и костяных накладках, и, видимо, в своей основе имеет образ «китайского» дракона, зачастую адаптированного под местные художественные традиции. Однако в данном случае связь с китайской традицией можно поставить под сомнение. Влияние китайского образа было бы, очевидно, характерно для всего Улуса Джучи, восточной части в том числе. Учитывая геральдическую символику дракона, украшение в виде этого существа должно было бы быть шире представлено в уборе знатных кочевников – привилегированной части населения. Однако, восточнее Волги змеевидные кольца пока обнаружены в незначительном количестве, они концентрируются в Нижнем Поднепровье, найдены, прежде всего, в могильниках, оставленных оседлым населением.

Если говорить о китайских кольцах с изображением дракона, которые могли бы быть непосредственным образцом для змеевидных колец, то время их бытования в Китае достаточно далеко отстоит от времени бытования золотоордынских колец, равно как отличаются материал и размеры. Изготовлены они преимущественно из нефрита и имеют достаточно внушительные размеры, по сравнению с кольцами золотоордынского периода, диаметр самого крупного из которых не превышает 3 см. Так, например, подвеска из Метрополитен-музея (AN: 1985.214.99) относится к Периоду Сражающихся царств (475–221 гг. до н.э.), её размеры 7,9 × 5,2 см [Knotted Dragon Pendant].

Подвеска из Британского музея (№1885,1227.92) является поздней стилизацией нефритовых колец периода Шан (Инь) или Чжоу, она ещё крупнее – её диаметр 13,6 см [Jade ring, shaped in the form of a coiled dragon].

Поэтому не менее логичным было бы искать прообраз изображения драконов или иных фантастических существ на европейской территории, где образ фантастического драконовидного существа часто встречается на различного рода украшениях с достаточно древних времён, хотя, безусловно, проблема его трансляции дискуссионна, равно как и однозначное видовое определение изображаемых животных. Традиция изготовления и ношения украшений с изображениями змей и драконов (впрочем, как и львов, волков, дельфинов, симарглов и сирен) не прерывалась с концом античной эпохи, а нашла продолжение в ювелирном деле средневековья [Рябцева, 1999, с. 228-240].

Иконография изображения фантастического существа на кольцах не особенно близка иконографии китайских драконов, но имеет многочисленные параллели в искусстве Малой Азии, в средневековом искусстве Европы, как связанном с языческой традицией в Скандинавии (изображения на рунных камнях, амулеты, булавки и фибулы), так и с христианской в Средиземноморье (например, изображения змея на навершиях епископских посохов XI – XII вв. из коллекции Государственного Эрмитажа [Крыжановская, 2014, с. 45-47, кат. 15-16]). Можно прийти к выводу о том, что в каждом конкретном случае мастер, изготавливавший украшения, мог находиться под влиянием разных культурных импульсов, что проявилось, в частности, в многочисленности вариантов изображения головы животного.

Непосредственным прототипом змеевидных колец золотоордынского времени, вероятно, могли послужить античные серьги в виде жгута,

скрученного из нескольких проволочек, завершающегося головками животных – львов, рысей, грифонов и т.п. Они получили широкое распространение с V в. до н.э. по III в. н.э. [Античные государства, 1984, с. 238]. Не исключено, что их прообразом могли быть украшения, подобные происходящим из кургана Дорт-Оба в Крыму золотым серьгам в виде полых «калачиков» с дужкой, к которым были добавлены уникальные завершения в виде головок грифонов [Греки и варвары, 2005, с. 326].

Серьги в виде кольца, один из концов которого завешается изображением головы животного, встречаются среди инвентаря курганов и некрополей греческих колоний на побережье Черного моря, широко представлены в музейных коллекциях, в том числе в коллекции НМИУ.

Несмотря на то, что время их бытования завершается поздней античностью, не исключено использование отдельных экземпляров и в более поздние времена, а также находки таких украшений в результате поиска сокровищ. Следует отметить, что известно о раскопках курганов, проводившихся, в частности, венецианскими купцами в XV в. Такие действия предпринял венецианский купец Иосафат Барбаро, 16 лет проживший в Тане, венецианской колонии в устье Дона, и описавший в книге «Путешествие в Тану» многое из увиденного и пережитого [Барбаро, 1971, с. 137-140]. Барбаро, будучи в Тане, обратил внимание на множество курганов, бывших «знаками погребений». По словам Барбаро, в Тану приехал некий Гульбедин, который в бытность свою в Каире слышал от какой-то татарки, что в одном из подобных курганов аланы спрятали большое сокровище, при этом женщина детально описала ему признаки местности. В течение двух лет Гульбедин искал сокровища в нескольких местах, но умер, ничего не найдя. В 1437 г. семеро венецианских купцов, вдохновлённые, как ни странно, неудачными поисками Гульбедина, составили концессию, вложив немалые средства (в первый раз было нанято 120 работников, каждому из которых платили по три дуката в месяц, заготовлено продовольствие, инструменты, оружие, во второй раз работников наняли уже 150 и привезли на целой флотилии) и дважды выезжали на раскопки курганов в поисках сокровищ. Барбаро достаточно детально описал раскопки, не избежав, однако, противоречия, отметив, что всё, как предсказано, было найдено, и в то же время утверждая, что кроме нескольких глиняных сосудов, пяти-шести больших бусин и половины маленькой ручки от

серебряного котелка, на которой была змеиная головка, concessionеры не нашли ничего ценного. Так это или нет, сейчас судить сложно. Однако можно с уверенностью предполагать, что грабительские раскопки курганов велись и до Барбаро, были, скорее всего, результативными, что подвигло венецианских купцов к большим затратам и поискам, которые вряд ли велись наобум. Вероятно, знакомством с античными украшениями, найденными при подобных раскопках и так или иначе попадавшими на рынок, можно объяснить внезапное появление, в частности, в западной части Улуса Джучи, некоторых форм украшений или образов, повторяющих гораздо более ранние образцы.

Некоторые изображения на античных украшениях могли трактоваться в соответствии с представлениями средневекового населения Причерноморья. Так, изображение животного могло восприниматься как образ змея-дракона, который, в соответствии с тюркскими верованиями, обладал магическими свойствами. Как считают некоторые исследователи, дракон был сакрализован у кипчаков, названия некоторых родов и имена ханов были производными от названия змеи [Пилипчук, 2014, с. 134]. Учитывая то, что некоторые змеевидные кольца были дополнены бусинами, нельзя исключить и влияния на смысловое наполнение этого украшения нартовского мотива принесенной змеёй-драконом чудесной бусины, исполняющей желания [Кузнецов, 1993, с. 159-162; Кусаева, 2015, с. 165-171].

Обращает на себя внимание концентрация змеевидных колец в узловых точках, связанных, с одной стороны, с транзитной торговлей, с другой стороны, с территорией расселения и оседания на землю причерноморских половцев, где они смешивались их с остатками прежнего оседлого алано-хазарского населения и переселяемыми с Кавказа аланами [Бубенок, 2013, с. 41-60]. Другие точки, в которых несколько неожиданным выглядит появление украшений, мода на которые, очевидно, не была повсеместной, были, возможно, конечными пунктами ответвлений торговых путей или источниками определённых товаров (как, например, богатые пушниной места Пермского края или железной рудой окрестности Ново-Брдо). Можно предположить, что особая мода на ношение змеевидного украшения могла быть распространена в этносоциальных группах, связанных с функционированием торговых путей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Абызова Е.Н., Бырня П.П. Археологические работы в Старом Орхее в 1974-1976 гг. // Археологические исследования в Молдавии (1974-1976 гг.). – Кишинев: Штиинца, 1981. – С. 164-174.

Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. – Т. 9. – М.: Наука, 1984. – 392 с.

Байпаков К.М. Урбанизация Казахстана в XIII – первой половине XV в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). – Кн. III, ч. 1. – Алматы, 2016. – 594 с.

Барбаро Иосафат Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. – Л.: Наука, 1971. – С. 136-141.

Бубенок О.Б. Политика монголов по переселению народов на юге Восточной Европы во времена Александра Невского // *Rossica Antiqua*. – 2013. – Вып. № 2(8). – С. 41-63.

Горелик М.В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. – 2008. – Вып. 222. – С. 117-124.

Город Болгар. Культура, искусство, торговля. – М.: Наука, 2008. – 276 с.

Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб.: Алетей, 2005. – 463 с.

Гудыменко И.В. Итоги раскопок III Азовского отряда и отряда «Дельта» в 1991 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. – Азов, 1993. – Вып. 11. – С. 12-19.

Ельников М.В. Образ дракона-змея на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 6: Причерноморские этюды. – С. 410-420.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). – Т. I. – Запорожье, 2001. – 275 с.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2000. – Ч. 1-2 (7-8). – С. 42–53.

Зечевић Е. Накит Новог Брда – из Археолошке збирке позног средњег века. – Београд, 2006. – 301 с.

Зубков В.Н. Гавердовский клад XV века // КСИИМК. – 1951. – Вып. XLI. – С. 138-141.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 212 с.

Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. – Л.: Наука, 1981. – 279 с.

Кочкина А.Ф. Загадка поселения Samar: древности Золотой Орды на Самарской Луке // Самарская Лука. – 2011. – № 18. – С. 20-24.

Крамаровский М.Г. Альбрехт Дюрер: браслет с китайским драконом (замечки о ювелирном прототипе) // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 2013. – Вып. 41. – С. 324-332.

Кривоногов С. Море не терпит пустоты // Государственное управление ресурсами. – 2010. – № 5 (59). – С. 4-12.

Крыжановская М.Я. Западноевропейская резная кость Средних веков : каталог коллекции. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 312 с.

Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского института гуманитарных исследований, 1993. – 181 с.

Кулатова И.Н. Золотоордынское украшение из Зенькова // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2002. – № 1 (11). – С. 115.

Кусаева З.К. Мотив чудесной бусины (цыкурайы фардыг) в фольклоре и этнической культуре осетин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2015. – № 8 (103). – С. 165-171.

Кухаренко Ю.В. Отчёт о раскопках могильника в Алуште в 1951 году // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. – Ф-1. Р-1. № 535.

Малюк Н.И. Алустонский клад: малоизвестные ювелирные изделия золотоордынского времени в фондах Музея исторических драгоценностей Украины // Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки" 10-12 листопада 2014 року. – К., 2015. – С. 159-168.

Мамонтов В.Л. Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград, 1992. – Вып. 2. – С. 16-49.

Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов // Государственный музей Востока. Материальная культура Востока. – М., 2005. – Вып. 4. – С. 186-200.

Пилипчук Я.В. Ментальность и идеология кыпчаков // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Wiesbaden, 2014. – Vol. 20 (2013). – С. 129-164.

Рябцева С.С. Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья // Stratum plus. – 1999. – № 3. – С. 228-240.

Савельева Э.А. Лузская Пермца. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1972. – 25 с.

Сарачева Т.Г. Ювелирные изделия второй половины XIII – XVI вв. с территории северо-восточной Руси // КСИА. – 2007. – Вып. 221. – С. 73-88.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.

Строкова Л. Золотоордынский скарб з Василиців // Пам'ятки України: історія та культура. – К, 2006. – Річник XXXVIII. – С. 34-43.

Строкова Л.В. Василицкий клад XIV в. // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников восьмого colloquium (11-16 октября 1999 года). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 126-128.

Супруненко О.Б. На землі Полтавській: Пам'ятки археології Полтави та околиць. – Полтава: Археологія, 1998. – 157 с.

Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоордынского часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. – К.; Полтава: Археологія, 2004. – 81 с.

Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1983. – С. 20-21.

Arts of the islamic world, 2016 // [Электронный ресурс]: <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2016/arts-of-the-islamic-world-116223/lot.330.html>

Jade ring, shaped in the form of a coiled dragon // [Электронный ресурс] http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?assetId=507663001&objectId=262487&partId=1.

Knotted Dragon Pendant // [Электронный ресурс] <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/1985.214.99/>

Ogden J. Technology of medieval jewelry // Ancient and Historic metals. Conservation and scientific research. Proceedings of a Symposium Organized by the J. Paul Getty Museum and the Getty Conservation Institute. November 1991. – Los Angeles, 1994. – P. 153-182.

Vėlius G. Kernavės miesto bendruomenė XIII–XIV amžiuje. – Vilnius, 2005. – 112 p.

I. Захоронения	II. Клады	III. Находки в культурном слое и случайные находки
 <p>1. Лоеский могильник</p>	 <p>1. с. Василицы</p>	 <p>1. г. Копорье</p>
 <p>2. Могильник Старый Орхей</p>	 <p>2. с. Гавердово (2 экз.)</p>	 <p>2. г. Зеньков</p>
 <p>3. Могильник на р. Пиши</p>	 <p>3. Тайник в церкви в г. Ново-Брдо</p>	 <p>3. г. Старый Крым (?)</p>
 <p>4. Некрополь в г. Куршумлия</p>		 <p>4. Сотби</p>
 <p>5. Могильник Мамай-Сурка</p>		
 <p>6. Могильник Алустон</p>		
 <p>7. Могильник Кернаве</p>		
 <p>8. Мавзолей Кердери 2</p>		
 <p>9. Могильник Зубовка</p>		
 <p>10. Могильник у с. Дмухайловка</p>		

Рис. 1. Змеевидные кольца-серьги.

Рис. 2.
Алустонский могильник, захоронение № 40 (инв. № АЗС-1571).